

Леонтьев Валерий

МК Бульвар —
16 апреля - 22 апреля 2001

Марина ЛИСАКОВА

Он — странный. Странность эта проявляется во всем: и в его поведении на сцене, и в его отношении к жизни. Он эпатировал публику во времена, когда само слово «эпатаж» несло в себе что-то пугающе антисоветское. Его песнями заслушивались партийные работники, попутно отрубая ему доступ на ТВ. Он два раза был женат на одной женщине, а сейчас живет в Москве один. Он — Валерий Леонтьев, звезда 80-х, обессмертивший свое имя песнями про дельтаплан и светфор...

«До 16 лет у меня были прямые волосы»

— Валерий Яковлевич, вы в кого из семьи такой кудрявый?

— Это у меня от матери. Как, кстати, и голос. Моя мама — украинка, она очень хорошо пела, у нее было такое сильное, пронзительное сопрано.

— Сейчас-то вьющиеся волосы — часть вашего образа. А вот в детстве, наверное, из-за них настрадались.

— В детстве я как раз не страдал. Потому что до шестнадцати лет волосы у меня были прямые. Это случилось однажды летом. Утром мы с пацанами, как обычно, пошли купаться на Волгу — мы тогда жили в Юрьевце Ивановской области. Искупались, вылезли, а когда обсохли, я заметил, что мои волосы стали завиваться. Сначала я думал: да и бог с ним. Но со временем положение стало усугубляться, волосы пошли волнами, а потом так скрутились! Вот тогда уже меня по этому поводу стали доставать. А я стал пытаться их выпрямить. Даже спать ложился: намочу их, расчесу гладко, туго завяжу полотенцем. К утру они распрямлялись, а к вечеру — опять скручивались в кольца. Я расстраивался. Но потом понял: мои волосы — это хорошо! А став артистом, понял: это очень хорошо!

— И тем не менее, судя по вашим последним клипам, вам нравится экспериментировать с прямыми волосами и с короткими стрижками...

— Это возможно только в клипах.

— Почему? Все эти изыски — компьютерная графика?

— Нет, это либо мои волосы выпрямляют, либо я надеваю парик.

— Я знаю, вы любите моделировать свой облик на компьютере.

— Да, балуюсь этим в программе «Фотошоп» или в «Фото де люкс». Я на компьютере «брил» себя наголо, оставлял короткий ежик — получалось плохо, не идет мне это. Приятелям любло внешний облик менять.

— Не пытались экспериментировать с фотографиями вашей жены Люси?

— А как же? Мы ей на компьютере волосы в модные цвета красили — в малиновый, в сиреневый, в салатный. И в очередь...

Валерий Леонтьев:

«Я не женат.
По российскому
законодательству»

48

В молодости волосы у Леонтьева были прямые. Но став артистом, он понял, что кудри — это хорошо. С тех пор «распрямляется» очень редко и только в клипах.

ной из моих приездов в Майами она меня встретила с малиновым ежиком на голове.

— Тут-то вы о своих компьютерных изысках и пожалели...

— Ничего подобного. Ей с этим ежиком очень хорошо было.

«Мне присылали варенье с битым стеклом»

— В советские времена вам за ваш имидж доставалось...

— Да, мне твердили: подстригись, не двигайся на сцене, надень серый костюм с галстуком или с бабочкой.

— И вы, помните, так одно время и выступали.

— Это когда у меня была песня «Ненглядная сторона». Потом был период салонной музыки с Раймондом Паулсом, а тут уж без фрика никак не обойтись.

— Был в вашей жизни непростой период — начало 80-х, когда вас буквально отлучили от Москвы. Все началось с того, что в Театр эстрады прямо перед вашим выступлением явились люди в штатском и потребовали предъявить тексты песен. После этого случая организаторы концертов перестали вас приглашать, из телепередач вас упорно вырезали. Скажите, вы никогда потом не пытались узнать, что за люди стояли за всем этим?

— Не пытался. Но узнал. Много лет спустя совершенно случайно из разговора с людьми, решавшими в то время судьбы артистов. Это были один из членов политбюро — я и фамилию его сейчас не вспомню, а тогда это была персона весьма влиятельная, — заведомо культурой Московского горкома партии и бывший председатель Гостелерадио Лапин. Я к нему однажды на прием напросился — хотел выяснить, почему мои записи зарубают одну за другой. Пришел и не успел раскрыть рта, как он усадил меня и пустился в воспоминания о том, как был послом в Китае. Было восемь часов вечера. Он все говорил и

говорил... Я порывался сказать, что пришел к нему со своей бедой, но он мне слова не давал вставить. Потом поднялся: «Поздно уже, домой пора». И тут я только: да я же, вот... Он: иди-иди, нормально все будет.

— Но все осталось по-прежнему...

— Где-то через полгода после той встречи все потихоньку стало нормализовываться. Я проскользнул в одной телепрограмме, потом в другой. А вообще все стало на свои места с 84-го года.

— Впоследствии, когда вы стали признанным мэтром эстрады, доводилось общаться с кем-то из тех, кто вас травил?

— Нет. Меня запрещали на высоком уровне. Я с этими людьми не сталкивался.

— Но ведь эти запреты должны были поддерживать на местах...

— Была такая ситуация. В 80-м году я поехал в Ялту, где должен был состояться мой сольный концерт. В Симферополе нас встретил администратор: «Ты едешь выступать в Евпаторию». Как в Евпаторию? Мой концерт объявлен не там, а в Ялте! «Ничего, в Евпатории объявлен концерт Кобзона. Кобзон переедет в Ялту и выйдет на твою публику, а ты — в Евпатории на его. Это команда директора филармонии». Через несколько лет мне довелось с этим директором встретиться. Милейший человек, он объяснял: «А что мне было делать, если звонит первый секретарь Ялтинского горкома и говорит: этого в Ялту не пускать?»

— Может, вам в партию вступить надо было — чтобы пускали...

— Мне и коллеги намекали. А я всегда отвечал: да вы что вообще?

— Как, кстати, к вам в тот сложный период относились коллеги по цеху — исполнители в тех самых серых костюмах с галстуками-бабочками, Иосиф Кобзон, например, или Муслим Магомаев?

— Они меня поддерживали. С Иосифом я познакомился в 79-м году. Он видел мое выступление, подошел и сказал: «Держись! Ох и сложно тебе будет!»

— Как-то так получается, что вас только партработники и не любили, а все остальные относились с сочувствием...

— Почему? Были и среди партработников те, кто мне сочувствовал. Была, например, на Украине такая Алла Ивановна — замечательный человек, заводилой идеологии ЦК Компартии Украины. Ей было искренне интересно мое творчество. Она приглашала меня к себе в кабинет попить чайку, я приходил — народ в коридорах бросал на меня испуганные взгляды. Она меня наставляла: будь осторожней, суть свою береги, проявляй аккуратней, не пользуйся слишком яркими средствами самовыражения. Иными словами говоря: пой хорошо, но штаны носи нормальные.

— А были простые, обычные люди, которые вас доставали?

— И были, и есть. И был чудовищный период в моей жизни на Лесной улице, когда весь подъезд мечтал, чтобы я куда-нибудь съехал. Все стены там были исписаны, в подъезде — постоянная ночлежка, там же рядом Белорусский вокзал, и люди приходили туда, просто узнав, что в этом доме живет Леонтьев. Ногой в дверь в пять утра — это было нормальное явление: выходи, поглядеть хо-

чу! А однажды пришла посылка с вареньем. И в том варенье битое стекло. До сих пор не понимаю, как это может прийти в голову: специально толочь стекло, потом сыпать его в варенье, потом узнавать адрес, идти на почту, отправлять посылку...

«Я не захотел биться с Киркоровым»

— Вы уже столько лет на сцене, наверное, уже давно не нервничаете перед каждым выступлением?

— Глобально мандражирую перед премьерами. Выходишь с новой программой и еще не знаешь, как она будет принята.

— Все свои программы вы финансируете сами. Во сколько обошлась последняя — «Безымянная планета»?

— Мы пока еще не подсчитали.

— Но она будет дороже предыдущей — «Фотографа сновидений»?

— Думаю, да — не меньше 200 тысяч долларов. Здесь сложнее декорации.

— Весьма недешево. Скажите, ваши шоу окупаются, если учесть, что вы показываете их и в маленьких городках — том же Подольске? Ведь надо везти балет, декорации...

Шоколадные секреты от Alpen Gold

Исследователи из Гарвардского университета установили, что шоколад, употребляемый в умеренных количествах, увеличивает продолжительность жизни человека.

Вам нужен эликсир молодости? — ешьте шоколад.

После гибели Бакса Леонтьев так и не смог заставить себя завести новую собаку.

— Декорации мы не везде возим. Они просто нетранспортабельны. Я могу вывезти их в Питер, в Киев. Но это невозможно, если я еду по маршруту Южно-Сахалинск — ночь в поезде — Хабаровск — ночь в поезде — Чита. А окупается шоу всегда. Такого, чтобы мы откатали программу и остались в минусе, еще не было.

— Есть артисты, которые так же, как и вы, делают хорошие шоу: Филипп Киркоров, Лайма Вайкуле? Вы ревниво относитесь к их работам?

— В какой-то степени — да, конечно, что греха таить. Потому что в самой сути нашей профессии заложен некий эгоцентризм: я — центр вселенной, как я могу быть хуже кого-то? Другое дело, что культурные люди этого не показывают. И умеют ценить достижения коллег. И перед Филиппом и Лаймой я снимаю шляпу.

— В 97-м году вы должны были встретиться с Киркоровым на «Музыкальном ринге», но, видимо, кто-то из вас отказался от «боя»...

— Это была мечта устроителей ринга — чтобы мы с Филиппом сцепились... Мы с ним созвонились. Он говорит: «Ну и что будем делать?» Я говорю: не пойдем. Зачем? С каким бы уважением мы ни относились друг к другу — условия ринга поставят нас в условия противостоящих сторон.

— На сцене вы не можете без шоу. А в жизни?

— Это для меня абсолютно неважно.

— Кажется, что вы и дома ходите в каких-то вычурных рубашках.

— Что вы! Дома... Если я один и тепло, я хожу без всего. Ну, в тапочках. Может быть, в халате. Когда кто-то приходит, надеваю фланелевые шаровары, майку. Если бы не моя профессия и не известность, я бы и на работу приезжал в чем попало.

«Моя любовь пригласила меня на свадьбу. Свидетелем»

— Вы как-то не очень любите распространяться о своем детстве...

— Я просто толком не помню ничего. Отец мой был зоотехником и оленеводом. Наша семья постоянно переезжала, меня так затаскали по Северу, что о том, что было до нашего переезда в Юрьевец, у меня сохранились обрывочные воспоминания. Помню, любил прыгать в снег с крыши. Игра была такая.

— Надеюсь, руки себе не ломали?

— Я — нет. А вообще, бывало, и ломали, если сугроб попадался старый. Самый героический был эпизод — прыжок с четвертого этажа. Заходили в подъезд, откуда на чердак, потом на крышу. Сидим, нахлывшись, как голуби на карнизе, страшно... Ну, кто первый? Молчание. Давайте вместе. И все с криками: «А-а-а!»

— Вы в детстве научно-фантастические рассказы писали.

— В юности. Тогда я зачитывался подобной литературой, вбирал ее в себя, и потом все это рвалось наружу, заставляя меня хвататься за карандаш и лихорадочно исписывать толстые тетрадки. Где теперь все это? С постоянными переездами все погубило.

— Это правда, что девчонки вас все-речь не воспринимали, а ваша первая любовь вышла замуж за другого и, хотя и знала о ваших к ней чувствах, даже пригласила на свадьбу свидетелем?

— Да, был такой эпизод в моей жизни. У меня даже с той свадьбы сохранились где-то старые, пожелтевшие фотографии: она в фате, ее жених и я. Я из-за всего этого переживал страшно.

— И согласились быть свидетелем?

— Это была еще одна возможность побыть рядом с ней. Мы еще общались какое-то время, я ходил к ним в гости. А по-

том я уехал к сестре в Воркуту, поступать в институт, и все закончилось.

— Как живут ваши сестры сейчас?

— Сестра у меня осталась одна. Самая старшая умерла. А вторая, Майя, к которой я и ездил поступать в Горный институт, прожила всю жизнь в Воркуте, работала в торговле, она товаровед по специальности. Сейчас на пенсии, живет в Анапе. Естественно, мы поддерживаем отношения, я ей помогаю. У нее есть дети, мои племянники, так что наш род продолжается.

«Голым я не позировал»

— За вами как-то закрепилась слава «пахаря от эстрады». А сами вы едва ли не в каждом интервью подчеркиваете: «Я — человек ленивый». Что или кто тогда заставляет выкладываться на работе?

— Да, очевидно справедливо, что я пахарь. И что ленив. Лени как раз и заставляет впахивать. Надо работать, говоря себе, надо ее превозмочь.

— А может быть, дело в другом? Помните, как говорила героиня Алисы Фрейндлих в «Служебном романе»: «Первая прихожу на работу, а ухожу последняя, просто потому что дома никто не ждет, я ведь даже собаку не могу завести, потому что с ней некому будет гулять»... Вы, кстати, после гибели Бакса так и не завели собаку?

— Не завел. И не буду... Хотя так, наверное, все зарекаются, а потом заводят все равно. А по поводу «дома никто не ждет»... Глупости! У меня, как и у всех артистов, наверное, есть внутренняя потребность реализовывать себя каждый день, доказывать себе и другим что-то. Вот что нами движет! А не «приду домой — там ты сидишь» или «приду домой — а там никто не сидит».

— Ваша дважды жена Людмила Исакович живет в Америке...

— Пишут, что второй раз я женился на ней из-за грин-карты. Какая чушь!

— А из-за чего?.. Валерий Яковлевич, не обижайтесь, это не пустое любопытство. Я, правда, не могу понять, как можно дважды жениться на одной женщине. Разошлись, развелись — все! А потом вдруг глаза открылись: да это же самый близкий, самый дорогой мне человек!

— Не то чтобы открылись, я это в общем всегда знал. А после того как мы расстались, со временем окончательно убедился в том, что не было рядом со мной никого умнее, честнее и вернее.

— Благодаря каким-то событиям?

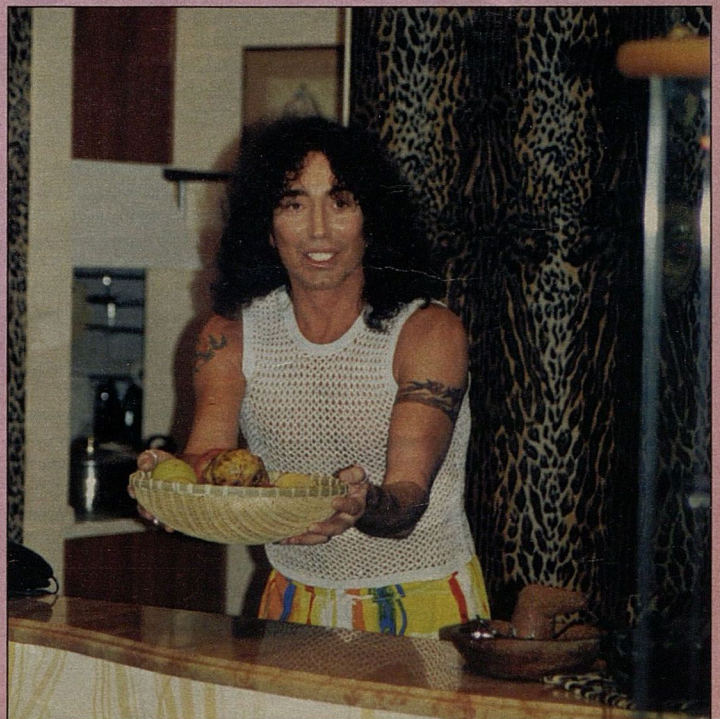
— Нет, это пришло постепенно, само собой. Я продолжал с Люсей общаться, постоянно летал к ней в Штаты. И в один из приездов все это осознал. Второй раз мы с ней расписались в 96-м году в Майами.

— Значит, вы просто поссорились?

— Это была не ссора. Отчуждение, постепенное отдаление друг от друга. Люся — она тогда была музыкальным руководителем и бас-гитаристкой моей группы «Эхо» — вбила себе в голову, что уже не в том возрасте, чтобы выходить на сцену. Что она стала для меня обузой. И вот однажды она купила бутылку коньяка и сказала: нам сегодня надо многое обсудить. И мы обсудили: она сказала, что в следующую поездку на гастроли в Америку хочет остаться там и начать новую жизнь. Я ее как мог отговаривал, но она все для себя решила.

— Вы во второй раз расписывались в Америке. То есть по российскому законодательству вы с Людмилой не женаты?

Сетчатая майки и пестрые штаны дома — только ради корреспондента. А так все исключительно скромно.

В случае катастрофы Леонтьев хочет иметь право на два звонка — жене Людмиле Исакович и директору Николаю Каре.

— Я сам не понимаю. У нас есть документ, что мы женаты. Но по американским законам. А по нашим, очевидно, нет.

— Вы говорили, что любите детей. Что своих нет, не жалеете?

— Все эти годы я жил — и сейчас живу — в такой суматохе, в таких ежедневных тисках, что как-то ничто меня не мучило, не тянуло за сердце: надо, пора. А вот теперь, иногда, редко, но тем не менее начинаю ловить себя на мысли: а не упустил ли я в жизни что-то большое, важное...

— Вам ведь решить эту проблему пока и возраст позволяет, и на усыновле-

ние ребенка взять можно. С женой таких планов не строили?

— Планов — таких, на бумаге начертанных, нет. Но мысль имеется.

— Еще один личный вопрос. У вас есть портрет работы Константина Соколова...

— Да, он сейчас висит в моей московской квартире.

— И вы на этом портрете...

— Ну, да, я там голый, но не совершенно, что-то все же прикрыто. Этот портрет очень красивый. Леопард меня кусает за пятку, я вбегаю в море, из которого выпрыгивают дельфины.

На своей «даче» в Майами Леонтьев полный хозяин. Даже крокодила оседлать может.

— Говорят, это работа влюбленного в вас человека.

— Нет... Это мой давний поклонник. Я ему сказал: позировать у меня нет времени. Он ответил: будет достаточно ваших фотографий, таких, чтобы были и крупно, и в рост. Я дал ему фотографии и постепенно стал уже об этой истории забывать, как вдруг он объявился: портрет готов. Я увидел его — и ахнул. Спрашиваю: сколько стоит. Нисколько. Это подарок.

«Я сыграл Сатану и отказался играть Иисуса»

— В свое время в опере Лоры Квинт «Джордано» вы сыграли сразу три роли: самого Джордано Бруно, шута и Сатану. Но отказались от роли Христа, на которую пробовались у Николая Машченко.

— Да, он снимал фильм «Иисус Христос. Суд». А вообще известен по фильму «Как закалялась сталь». Все еще шутили: как это он после Корчагина за Иисуса взялся. Почему я отказался от той роли? А вы представьте себе, что я бы сыграл ее и роль бы получилась. После этого было бы страшно и, наверное, невозможно опять выйти на сцену и продолжать петь.

— А Сатану играть было не страшно? Артисты полагают, что за такие роли — с чертовщинкой — Бог наказывает.

— Странно. Это же роль, игра, театр... Нет, я не могу припомнить, чтобы мне потом это в жизни как-то аукнулось. Единственное, о чем я жалею в связи с этой ролью и вообще спектаклем, — это о том, что мы тогда «Джордано» не снимали. Сохранилась только любительская съемка.

— Вы ведь человек не суеверный?.. Тогда спросу. Жизнь — штука полосатая. Вот сейчас у вас полоса белая, не боитесь, что следом за ней опять придет черная — такая, как была в начале 80-х?

— Да я не считаю 80-е черной полосой. У меня ведь ни злости, ни обиды, ни желания кому-либо отомстить не осталось. То время мне кажется романтическим и очень наполненным. Многие были для меня впервые — первое интервью, первая студия звукозаписи, первая запись на радио... Это было время, когда хотелось жить, все познать, все увидеть.

— И все же, если бы вам было плохо, если бы катастрофа какая-то, и вы могли бы сделать только один звонок. Чей бы номер вы набрали?

— Моего директора Николая.

— То есть не жены даже?

— Нет, подождите... Если бы это была катастрофа, как-то связанная с работой, то позвонил бы Николаю. Он человек преданный и в этих вопросах хорошо разбирается. А если бы было плохо по жизни — то Люсе. Так что, пожалуйста, не ограничивайте меня одним звонком...

СТУДЕНТЫ ПОЛУЧИЛИ КРЫШУ

Комплекс Московского архитектурного института (МАРХИ) пополнился новым сооружением. На основном учебном корпусе, выстроенном еще в XVIII веке, появилась современная мансарда. Светлый, просторный мансардный этаж не внес диссонанса в «пряничный» облик основного корпуса МАРХИ — со стороны главного институтского фасада, выходящего на Рождественку, его просто не видно. Несмотря на «невидимость» сооружения, презентацию мансарды почтил присутствием мэр Юрий Лужков, который в присутствии действующих и будущих архитекторов перерезал традиционную ленточку. Реконструкцией чердака МАРХИ дело не ограничится: институт совместно с компанией «Флаг девелопмент» разработал программу развития своих владений. Финансовую поддержку инициаторы реконструкции, стоимость которой составляет 35 млн. долларов, нашли у председателя совета «Бризбанка» Александра Белякова. «Бризбанк» взял на себя финансирование всей программы реконструкции МАРХИ, в результате чего в столице появится Европейский центр архитектуры.

ХВОРОСТ Е. В.

Беляков А. Б.